

Взаимное видение народов как аспект современной компаративистики

Александр КАРЛЮКЕВИЧ,
министр информации
Республики Беларусь

Светлана АНАНЬЕВА,
кандидат филологических
наук, доцент

Эпоха перемен в жизни страны, в судьбах героев – темы, наиболее актуальные в литературе нового тысячелетия. Современные прозаики используют все богатство и многообразие приемов в раскрытии внутреннего мира персонажей. Происходит постоянная интерпретация текста, его толкование в новых исторических реалиях, постижение его многомерности и многозначности.

Одной из актуальных проблем гуманитарного знания XXI века выступает «проблема взаимного видения народов в текстах культуры» [1, с. 62]. Образы чужой жизни в большом историческом времени складываются «в традицию, в инвариантные, устойчивые структуры

сознания, отражающие исторический опыт своей нации. Они не только обогащают знания о другом народе, но и характеризуют собственную этническую ментальность. «Свое» не только более зримо выступает на фоне «чужого», но и формируется во взаимодействии с ним,

ОБ АВТОРАХ

КАРЛЮКЕВИЧ Александр Николаевич.

Родился в 1964 году в д. Затитова Слобода Пуховичского района Минской области.

Окончил Львовское высшее военно-политическое училище (1985), Академию управления при Президенте Республики Беларусь (2002). В 1981–1995 годах – в Вооруженных силах. С 1995 по 2006 год – на журналистской работе в газетах «Звезда», «Чырвоная змена», «Советская Белоруссия». В 2006–2011 годах – директор редакционно-издательского учреждения «Литература и искусство», одновременно в 2009–2011 годах – главный редактор газеты «Літаратура і мастацтва». С 2011 года – главный редактор газеты «Звезда». В 2012–2016 годах – директор – главный редактор РИУ «Издательский дом „Звезда“». С декабря 2016 года – заместитель министра информации Республики Беларусь. С сентября 2017 года – министр информации Республики Беларусь.

Автор около 30 научных работ.

Сфера научных интересов: международные связи белорусской литературы, историческое и литературное краеведение в СМИ, присутствие Беларуси и белорусской культуры в мире.

АНАНЬЕВА Светлана Викторовна.

Родилась в Атырауской области Казахстана.

Окончила Черкасский государственный педагогический университет имени Б. Хмельницкого (1980), аспирантуру Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова АН Казахской ССР (1985).

С 1980 по 1981 год – учитель русского языка и литературы средней школы имени 40-летия ВЛКСМ (п. Доссор, Атырауская область). С 1985 года работает в Институте литературы и искусства имени М.О. Ауэзова Министерства образования и науки Республики Казахстан, где прошла путь от младшего научного сотрудника до заведующего отделом аналитики и внешних литературных связей. Кандидат филологических наук (1986), доцент (2003).

Член Союза писателей Казахстана (2012).

Автор более 500 научных публикаций в странах дальнего и ближнего зарубежья, разделов в коллективных научных монографиях России и Казахстана.

Сфера научных интересов: русская классическая литература (творчество А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского), компаративистика, современная мировая литература и литература Казахстана.

оценивается в сопоставлении, а часто и в конфронтации с ним», – считает современный украинский компаративист В. Хорев [1, с. 62–63].

Компаративистика как приоритетное научное направление исследования художественных феноменов предполагает их включение в поле разного рода взаимодействия, ментальных в особенности. Концепты *свой / чужой* для героинь романов американской писательницы Виктории Кинг, прозаика и публициста, автора рецензий, эссе и трилогии, включающей романы «Виктуар», «Отшельница», «Мачехи», на протяжении повествования меняются местами. Из далекой в географическом отношении Америки, и вроде бы уже *своей*, родным, манящим остается Казахстан. Лейтмотив ее романов: неслучайность всего происходящего на земле, предопределенность встреч. «Для Виктории Кинг это почти постулат, оттого так естественно переплетаются в ее книгах судьбы героев, разбросанных в разных временных и пространственных пластах, так легко сопрягаются разные истории и так логично закольцовывается сюжет» [2, с. 6].

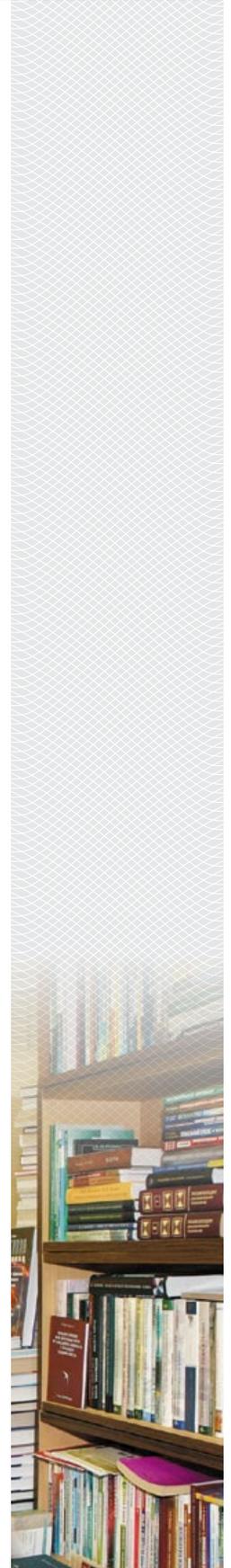
Тема Казахстана – яркая и органичная во всех произведениях В. Кинг. Маленькая Вика – Салима (как звал ее отец), главная героиня романа «Виктуар», вспоминает: «Перед самым отъездом в южную таинственную республику мама показала мне на карте, расстеленной на полу, куда мы уезжаем, сказала, что там нет наших лесов (и моих любимых мухоморов?), зато есть высокие, со снежными вершинами, горы... жить там легче, много фруктов и овощей, зима намного короче и не такая суровая» [3, с. 24]. Бескрайние просторы роднят Казахстан и Урал, где прошло детство героини. Общее время – также соединительная нить, как и общие мечты о будущем. «Просторы какие, поля огромные, перелески нетронутыми стоят... Все это было наше, видишь, поля заросли, что деды корчевали, но ничего, земле отдых тоже нужен. Придет час, и вспашут опять, и хлебон засеют. С начала перестройки побежал народ в город, все побросали: технику, дома... Молодежь спивалась, руки на себя накладывала... Но я

верю – люди вернутся, да и возвращаются» [3, с. 23], – убеждает Викторцию двоюродный брат.

Все в мире взаимосвязано и взаимозависимо. Главная героиня романа «Виктуар» толерантна и веротерпима, она уважительно относится ко всем народам. Жизнь заставляет ее поехать по миру. И она уверена: «Чтобы узнать, какой дух у любого народа, надо с ним разговаривать на его языке. Или хотя бы понимать, что человек тебе говорит. В каждом языке есть своя прелесть, свои особые выражения, и их не всегда можно перевести на другой язык...» [3, с. 28]. У Виктории деловые и дружеские отношения с американцами, украинцами, молдаванами. Она восхищается своей подругой казашкой Шолпан, которая «может до 53-го поколения, чуть не от самого Пророка всех предков назвать по именам, специально заучивала, да и документы в семье сохранились. Удивительно, она людей лечить может – особая энергия у нее есть. От предков передалась ей, а не братьям, как должно бы быть» [3, с. 64]. Шолпан работает на киностудии режиссером, снимает документальные фильмы об интересных людях или событиях: «Чтобы их снимать, надо прочесть много материала, знать историю. Иногда нужно провести параллель между „сегодня“ и „вчера“, и вообще с событиями прошлого, так что приходится часами копать в библиотеке» [3, с. 66].

Узор имен и судеб вплетает каждый день в память героини, в ее жизнь. Такой удачный образ находит автор. Виктория любит длинные перелеты, это время становится ее личным временем, временем для размышлений. Салоны самолетов – часть ее жизни. На ум иногда приходят «знаки» как предзнаменование и предупреждение: «Сколько их было в моей жизни, в каком обличье они приходили? Заметила, что иногда какая-нибудь, кем-то высказанная фраза или ситуация почему-то пронзали сердце, и лишь со временем приходило понимание, что крылось в подтексте. Были странные сны – порой сбывались» [3, с. 79].

Многое у главной героини связано с Алма-Атой (такое написание в ро-

мане. – А.К., С.А.). Тонкий яблоневоый запах, огромный ключ от дома, который лежал в отдушине рядом с крылечком. Абика-бабушка играет на баяне – одно из ярчайших воспоминаний: «Вдруг полилась протяжная, полная тоски песня, со странными гортанными переливами, которая сменилась бойкой и озорной мелодией. Но, самое интересное, звучали песни на языке, которого я не понимала – на татарском (в тот день мне объяснили, что мой отец татарин, а мама русская)» [3, с. 86]. Дед-Бабамка вставал и засыпал с песней, мурлыкая ее себе под нос. Это у него были «загадочные большие книги на арабском языке, частенько он брал меня на колени и учил выводить мое имя арабской вязью...» [3, с. 89]. Но это было в городе на Урале, откуда маленькая Салима привезла букварь на татарском языке, помня наставления мамы: «В каждом языке есть своя прелесть, свои особые выражения, и их не всегда можно перевести на другой язык» [3, с. 24].

Полиэтничность – характерная черта казахстанского общества – находит художественное отображение в произведениях В. Кинг. Салиме – Виктории вспоминаются друзья. Один из них – Сергей, статный, спортивный, занимался плаванием, великолепно говорил по-английски, учился на историческом факультете. «Оказался грузином, потомком тамошних князей, и внуком сосланного в казахские степи в сталинские времена дедушки-дипломата. В наших краях, если копнешь историю любой семьи, обязательно что-нибудь любопытное нароешь» [3, с. 107]. Вновь концепт *свой / чужой* в романе решается таким образом, что по-прежнему для героини *наши* края – это Казахстан.

Описание глазами очевидца и через людские судьбы декабрьских событий 1986 года, когда молодежь столицы Казахстана вышла на центральную площадь города с протестом против диктата Москвы и назначения Колбина первым секретарем ЦК Компартии Казахстана, помогает передать весь трагизм и ужас тех дней. Возвращаясь из Москвы в Алма-Ату, где была в командировке, Викторина – в то

время режиссер на телевидении – о событиях в столице Казахстана узнала из «Новостей». В салоне самолета случайно столкнулась с другом мужа. «Он – казах. Увидел меня – рядом со мной сел и тревогой в голосе заговорил: «Страшно переживаю за своих, дом недалеко от площади, ну, ты знаешь... Что там с моими?..» [3, с. 88]. В аэропорту, наспех распрощавшись, каждый поспешил к себе домой. К счастью, никто не пострадал во время тех событий. Но «еще с неделю дружины и военные патрулировали улицы, слухи ходили, что убитых увозили куда-то в степи, а по общежитиям бродили плачущие матери в поисках пропавших детей. Потом выяснилось, что многих студентов на площадь вывели по приказу, иные и не знали, зачем шли... Так что для кого-то была политика, а для кого-то – уход в никуда».

Декабрьские события стали поворотным и этапным моментом в жизни страны. «Город отмывали от крови, вывозили останки сгоревших машин, генсеком республики назначили Колбина, издавались новые указы, глухо шелестели разговоры на кухнях, люди косились друг на друга. Жизнь менялась и меняла нас», – вспоминает главная героиня романа «Виктуар» [3, с. 90].

Бывая в разных странах, Викторина сопоставляет, сравнивает, анализирует картины жизни, зарисовки с натуры. Главное, что поражает ее в Калифорнии – «разлитый в атмосфере покой, настолько осязаемый, что казалось, он окутывает тебя... И никакой агрессии в воздухе. *Здесь, у нас* мы все ежиками ходим – иголки наружу, или в клубок свернемся и катимся невесть куда. Чем больнее уколем, тем больше уважения. Знай, мол, наших – ежика голыми руками не возьмешь... Как будто все мы не были детьми, с беззащитной наивностью в глазах, стремлением к справедливости, сочувствием к страданиям» [3, с. 99]. И вновь, *здесь, у нас* – это Казахстан и страны СНГ.

Прошлое – неотъемлемая часть жизни каждого из нас. Так понятны и близки попытки Викторины разобраться в том, что произошло с ней, с той страной, в

которой она выросла и где родились ее дети: «Весь мой запас любви к Родине относился к Советскому Союзу – я росла в той стране, а теперь ее нет, далеко-далеко остался уральский город, где я родилась, и столица молодого независимого государства Республики Казахстан, где родились мои дети. Пришло осознание – когда я говорю: «А у нас то или это лучше, чем в Америке», я делаю сравнение с той эфемерной реальностью, которая осталась в прошлом – там, во времена моей юности и начавшейся зрелости, и, в общем-то, всего этого более не существует. Воспитанная на образцах русской и мировой культуры, вобравшей в себя традиции казахского народа, наполовину русская, наполовину татарка, я была совсем сбита с толку от происходящей исторической круговерти. Впрочем, может быть и не только я. Да и что я такое в мировом, историческом процессе – так, микроорганизм, пытающийся выжить...» [4, с. 206]. Концепт прошлого – единой страны, «эфемерной реальности» помогает и главной героине романа В. Кинг «Отшельница» разобратся в настоящем.

Пейзажных описаний в романах не так много, но они точно передают настроение героев, оттеняют их чувства. В столице южной республики осень наступила с ароматом поспевающих яблок в саду, «рдея багрянцем и шелестя золотом листьев... Сентябрь был теплый, и в открытые окна мы видели яблоки, заглядывающие красными бочками в комнаты. Особенно поражала одна яблоня, с виду неказистая, но яблоки приносила гигантские, некоторые весили по 330 граммов» [3, с. 25].

Отличительная черта пейзажных зарисовок – одушевление природы: «Ночь, усталая, брела по мертвому городу, стукнулась безмолвным криком о дверь сторожки в лесу, пробежалась по траве, зашуршала мышью в потемках. Заухал филин...» [4, с. 45].

Для поэтики романов В. Кинг характерны фольклорные элементы, нередки умело вплетенные в ткань повествования песни и народные причитания. Притча из романа «Виктуар» получит дальней-

шее развитие и продолжение в романе «Отшельница», как и мотивы распада страны, закрытия промышленных предприятий, угасания небольших городов и промышленных поселков. Центральной становится притча о старухе-отшельнице, оставшейся горевать на пепелище. Один из заводских городков, какие строили вокруг больших заводов или шахт, с детскими садами, магазинами, больницами, домом культуры, пришел в упадок. Завод закрыли, и жизнь в нем угасла. «Северные надбавки платить перестали, никому нет дела до людей, вот они и стинули как-то в одночасье. Все снялись и размылись в утренних туманах». Скупыми строчками, размеренным, неторопливым ритмом разматывается клубок повествования. Благополучная внешне семья распалась: «Муж спился и умер, сын без вести пропал далеко, в чеченских горах. Его зазнобушка, с которой встречался до призыва в армию, ребеночка принесла где-то в области, бабке не показала, плюнула на все и подалась неведомо куда» [4, с. 42].

И вот уже ручка в избушке выводит скрипучим голосом свою незатейливую песню-присказку: «От-шель-ни-ца, отще-пе-ни-ца, куда денешься, непо-дельница» [4, с. 43].

Роман «Мачехи» завершен В. Кинг уже в США, в 2009 году. Глубоким философским смыслом наполнены его заключительные строки: «Любое твоё прикосновение: сердцем ли, словами, рукой, поступками – становится орудием в изменении судьбы другого» [2, с. 415].

Мотив судьбы, трансформации и эволюции жизни, реализация сакральных, священных договоров, составленных нашими душами («Для их исполнения приходим на землю», – В. Кинг) прослеживается и в творчестве американской писательницы сербского происхождения Дойны Галич-Барр.

Поиск смысла жизни и счастья, мотив аполитичности, уход в мир творчества, грез и воспоминаний становятся ведущими в романе «Дом разбитых зеркал» Галич-Барр. Интригующий сюжет жизни самого автора романа о Камил Клодель. Писательница родилась в Бухаресте,

выросла в Сербии, получила высшее медицинское образование. Выехала во Францию, где занималась изобразительным искусством и музыкой. Более 50 лет живет в Чикаго, широко известна как психиатр и невролог. Длительное время преподавала в университете штата Иллинойс. Она – автор романов на сербском и английском языках «Ангелы без ликов», «Голубой голубь», «Колокола и ветер», «Анна Ли», «Шар», «Пассия». На русском языке изданы «Колокола и ветер», «Дом разбитых зеркал» в переводе белорусского ученого, доктора филологических наук, академика Академии наук Сербии Ивана Чароты.

Роман «Дом разбитых зеркал» не только о Камил Клодель (таково написание имени в романе. – А.К., С.А.), являющейся его главной героиней. Стать скульптором с детства, еще в России мечтал Сергей Иванов, русский аристократ, от лица которого ведется повествование. Удивительны отношения между героями: «немое соприкосновение их мыслей», «прочная связь на расстоянии», которая обоим была приятна и оба ее хотели. Камил «уже давно передала ему свои сны и мысли, и слова... он воспринимал как свои» [5, с. 14]. Его тревожит новый мир, а искусство подчиняет себе. Камил в письмах к Сергею рассказывает о себе, об отношениях с известным французским скульптором Роденом: «Мои отношения с Роденом и опыт, который я вынесла из семьи, влияли на формирование моей личности... Хочу, чтобы не сравнивали меня с Роденом, чтобы не использовали понятие „влияние“. Хотя это и лучше, чем суждения некоторых журналистов, называвших мои работы подражательными. Для них я и далее остаюсь ученицей Родена, ассистенткой, которая учится у него. Поэтому я поменяла мастерскую, чтобы находиться как можно дальше от него... Не выношу громоздких роденовских работ, которые передают интеллектуальную красоту выразительно и в отличной технике, однако не имеют ангельской душевности» [5, с. 15].

Камил любила слушать на французском произведения персидского поэта XII века Низами Ганджеви, просила про-

читать на фарси Фирдоуси и Омара Хайяма, потому что «ее очаровывали мифы и содержание той поэзии, которая напоминала сказки Шехерезады... – пишет Сергей брату Алексею. – Поэзией утверждается, что мы, дорогой брат, всегда носим на глазах вуаль и неспособны видеть всю красоту универсума» [5, с. 20].

Эпистолярный жанр представлен в романе широко. Камил верила, что Огюст Роден – ее черная вуаль, избранная судьба. Роден, сняв маску, остался воплощением земного духа зла, стал ее болезнью, уничтожая талант. Камил, личность необычная и своенравная, «бросала сама, чтобы не быть брошенной».

В тексте романа Дойны Галич-Барр много рассуждений об эмигрантах в Париже. Теперь уже Алексей пишет Сергею о том, как они любят родину, как хотели бы вернуться, но боятся, что будут расстреляны. Алексей пишет об утрате корней, связи с родиной. Кусочек знакомого с детства мира при себе – рецепт «жаворонков», которые пекла старая служанка Варвара Алексеевна, выехавшая из России вместе с их семьей. Путешествия в Индию, на Дальний Восток, в Японию, Иерусалим и Персию помогают героям сформировать сложный взгляд на познание самих себя, на вселенную и на феномены природы. Тема эмиграции возникает и в беседах с польским знакомым Чеславом Мицкиевичем, которого Алексей убеждает в том, что «мир изменился. Многие писатели и художники разных стран не живут на родине. Ведь и Пикассо сейчас в Париже? Должно быть, имеются и более глубокие причины того, что они, хотя бы на время, уезжают из своей страны, хотя любят ее и на чужбине создают произведения о ней». И далее следует самый важный вывод: «Пожалуй, время от времени нужно посмотреть на свою родину издали, чтобы объективнее видеть ее красоты, а может, и недостатки» [5, с. 161].

Камил рассказывает Алексею о том, что «искусство является своего рода идентификацией личного с поэтическим и мифологическим» [5, с. 72]. Она же стремится отразить в искусстве интенсивность жизни в единстве связей между

чувствами, формой и содержанием. О силе эмпатии духовной связи размышляет Сергей, «любовь к театру и литературе, желание познать другие культуры и образ жизни, ... табу в разных религиях и культурах – все это имело целью приобретение духовного и общественного опыта. Обращаясь к суевериям, верованиям в магию и силу психики, можно силы универсума обогатить знаниями, пониманием человеческой судьбы и природы чудесного» [5, с. 73]. Это и раскрывают зеркала невидимых истин о героях, трансформирующиеся в концепт *внутренних, невидимых* зеркал.

Концепт зеркала эволюционирует и возникает в тексте романа не единожды, как и описание богемной жизни скульпторов и писателей Парижа. Огюст Роден был реалистом и экспрессионистом, стремившимся служить человечеству. Бальзак, Гюго или Бодлер «очень любили высказывать свои взгляды и охотно участвовали в дискуссиях о человеческом бытии, о мечтах в связи с космосом, о религиозных догматах, о спиритических контактах с духами или ангелами. Их суждения отражали большой интерес к развитию и влиянию искусства, особенно его связям с литературой и мифологией далекого Востока – прежде всего Японии, Персии, Индии» [5, с. 72].

Роман философски многослоен, автор меняет стиль повествования, усложняя композицию, переплетая картины реального и ирреального. Творчество во всех ипостасях интересует и саму Дойну Галич-Барр, и ее персонажей. Герои пишут свои биографии, скрывая истины, фантазируя об идеальной жизни, идеальном опыте, игнорируя истину. «Писатели создают характеры по аналогии либо такие, в которых присутствуют сами. Поэтому, наверное, выбирают темы так, как актеры» [5, с. 93].

Внутренние, невидимые зеркала одиночества – это и восприятие скульптур Камил. «Зрелость», «Клото», «Утраченный Бог», «Деньги», «Мольба», «Сакоунтала», «Слепец», «Вальс», «Девушка с флейтой»... Сергей не просто рассматривает скульптуры, «он слушал, что говорят ему

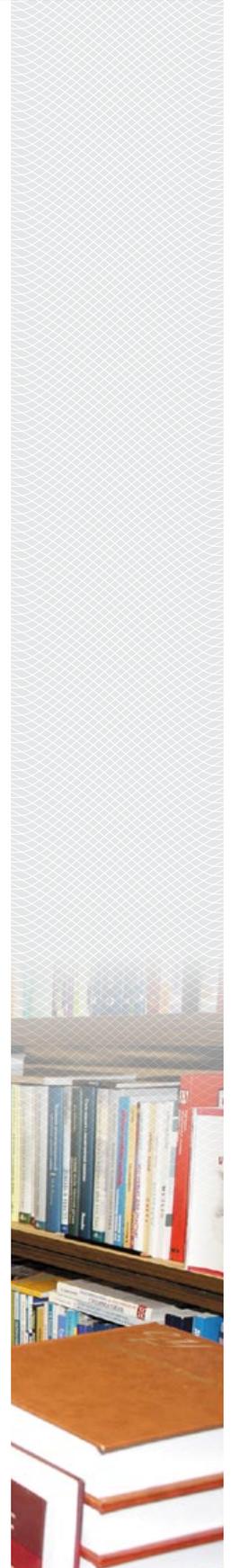
скульптуры – так же, как в природе слушал звуки земли, воды, камней и ветра. И понимал их через переживания Камил» [5, с. 62]. Среди персонажей романа – солисты балета, музыканты, философы.

Роман привлекателен историей взаимоотношений между творческими людьми, интересен с точки зрения гендерных исследований. «Атмосфера богемного Парижа начала пошлого века. Русские эмигранты. Много нервных размышлений, духовных искательств, рассуждений о природе таланта и плате за него» [6].

Как константа звучит в романе мотив родины: «Родина нас не покидает... Мы ее покидаем, а вот она постоянно сопровождает нас, иначе мы без нее пропадем. Пока у нас есть память, она укрепляет наши души и стимулирует наше творчество на чужбине... Родина – муза всех искусств» [5, с. 183]. Героини произведений Дойны Галич-Барр, написанных особым стилем, музыкальным языком, постоянно в духовном поиске, они путешествуют, размышляют, а повествование складывается как мозаика из переписки, «разных фрагментов, разных кусочков жизни» [7].

Драматические коллизии личных взаимоотношений Родена и его музы и возлюбленной Камиллы Клодель находят отражение в современной литературе Казахстана. В драматической поэме Любови Шашковой «Камилла» героиня – пациентка сумасшедшего дома Мондеверге в один из последних визитов Родена бросает ему, торопящемуся покинуть убогую палату, почти вслеп, на ходу:
*Наверное, гармония лишь в том,
Чтоб создавать друг друга
Друг для друга,
И видеть в этом радость бытия*
[8, с. 170].

Но героине видится лишь воображаемый Роден, он так и не навестил ее в больницу. Поэтому все диалоги, реплики трех действий разыгрываются на сцене и произносятся в пустоту, повторяясь рефреном: «Не ты ли говорил, что лишь со мной ты создал лучшие свои скульптуры?», «Не ты ли говорил, что только я всегда тебя с полслова понимала?», «А не

ты ли говорил, что лишь со мной узнал ты вдохновенье?» [8, с. 172–173].

Камилла высказывает воображаемому собеседнику все открыто:

*Ты говорил, что творчество есть воля,
А сам мою хотел похитить волю
И мной как куклой каменной вертеть!* [8, с. 175].

Так мотивы творчества, судьбы, назначения искусства словно невидимые нити соединяют творчество В. Кинг, Д. Галич-Барр и Л. Шашковой, белорусской поэтессы Казахстана.

В книге «Небоскреб на Ист-Ривер» казахстанский дипломат М. Исиналиев повествует о своем первом участии в работе заседаний Третьего комитета Генеральной Ассамблеи ООН, когда обсуждались вопросы сохранения и развития культуры. И среди описаний музеев, которые удалось ему посетить, читатель встретит описание музея, носящего имя Родена, в котором хранятся уникальные творения скульптора «Мыслитель», «Бургеры», «Рука Бога», «Врата в ад», «Я – любимая», «Триумф юности», «Мысль» и другие [9, с. 70]. Раскрытие темы творчества на примере сложных взаимоотношений Камиллы Клодель и Огюста Родена выступает объединяющим концептом произведений Дойны Галич-Барр, Л. Шашковой и публицистической прозы М. Исиналиева.

Такие интересные факты литературных связей, переключки тем, мотивов и образов, как и проблема взаимного видения народов – одна из основополагающих в современном сравнительном литературоведении, ждущая дальнейшего изучения. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Хорев, В. Имагологический аспект изучения культурных связей // Литературна компаративістика. Випуск IV. Актуальні проблеми структури і стратегії літературної імагології. Ч. I. – Київ: Видавничий дім «Стилос», 2011. – С. 61–70.
2. Кинг, В. Мачехи / В. Кинг. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – 416 с.
3. Кинг, В. Вектуар / В. Кинг. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. – 554 с.
4. Кинг, В. Отшельница / В. Кинг. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – 430 с.
5. Галич-Барр, Дойна. Дом разбитых зеркал / Дойна Галич-Барр. – Минск: Белпринт, 2011. – 264 с.
6. Рублевская, Л. Бунт против природы / Л. Рублевская // Беларусь сегодня. – 2012. – 11 мая.
7. Любовь как опыт смерти // Литературная газета. – 2009. – 6 мая.
8. Шашкова, Л. Луг золотой / Л. Шашкова. – Алматы: Жазушы, 2006. – 176 с.
9. Исиналиев, М. Небоскреб на Ист-Ривер / М. Исиналиев – Алма-Ата: Казахстан, 1987. – 104 с.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Требования к оформлению научных публикаций составлены в соответствии с главой 5 Инструкции по оформлению диссертации, автореферата и публикаций по теме диссертации, утвержденной постановлением президиума Высшего аттестационного комитета Республики Беларусь от 24.12.1997 года № 178 (в редакции постановления Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 22.02.2006 года № 2).

Условия приема авторских материалов в журнал «Беларуская думка»:

1. Принимаются рукописи, ранее не публиковавшиеся.
2. Рукопись предоставляется в двух экземплярах (не ксерокопированных), шрифт Times New Roman, 14-й, межстрочный интервал – 1,5, объем статьи – до 30 тыс. знаков (с пробелами).
3. Статья должна содержать:
 - индекс УДК;
 - фамилию, имя, отчество автора (авторов);
 - название статьи на русском и английском языках;
 - резюме объемом 400–500 знаков на русском языке;
 - введение (с поставленными задачами);
 - основную часть, заключение (с четко сформулированными выводами);
 - список цитированных источников, оформленный в соответствии с требованиями ВАК Республики Беларусь.
4. Материал визируется автором.
5. Биографические данные об авторе: год и место рождения, образование (вуз, специальность, год окончания), ученая степень и звание (год их присуждения или присвоения – в скобках), место (места) работы, должность, сфера научных интересов
6. Наличие электронного варианта статьи.
7. Иллюстративный материал предоставляется отдельными графическими файлами.
8. Личные данные об авторе (указываются в конце рукописи): телефон, адрес электронной почты, паспортные данные.
9. Рецензия (внешняя или внутренняя).

Материалы, в которых не соблюдены перечисленные условия, не принимаются к рассмотрению редакцией. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право осуществлять отбор, дополнительное рецензирование и редактирование статей.